

Сквозь зеркало и слой иллюзорного пламени Дункан мог отчетливо наблюдать за реакцией Тириана и Лукреции с самого начала и до конца — нервность, настороженность и смутный страх.

Не самая лучшая атмосфера для «воссоединения семьи».

Но он не возражал, он ожидал этого — ранняя встреча с Тирианом, когда он контролировал ситуацию, отвечала его интересам. Этой встречей он заложил основу, которая может уберечь его от неожиданной встречи, не говоря уже о...

Он не ожидал, что здесь будет Лукреция.

Более того, спрятавшись в зеркале, он услышал разговор между Лукрецией и Тирианом и узнал, что его последняя попытка вызвать первую через «Нилу» не осталась безрезультатной. Хотя он не получил никакого отклика, но со стороны Лукреции произошло движение. Эта информация стала для Дункана неожиданным приобретением.

Успокоившись, Дункан смерил Тириана и хрустальный шар на столе рядом с ним равнодушным взглядом.

— Я думал, отцу не нужны особые причины, чтобы увидеть своего сына или дочь.

Глаза Тириана на мгновение слегка расширились, но он быстро успокоился и, понизив голос и настороженно глядя на человека в зеркале, произнес:

— Ты должен знать, что это Собор — даже ты должен более или менее уважать Богов, стоящих за этим священным местом.

— Да, это Собор, конечно, я знаю это. Я видел, как он был поглощен пламенем. Я восстановил это место из его разрушенной истории, — спокойно произнес Дункан. — И если боги, стоящие за ним, наблюдают, они должны меня поблагодарить.

Тириан мгновенно растерялся, не зная, как относиться к его словам.

Но это чувство, когда он вдруг не знал, что сказать в разговоре с отцом, было для него не ново.

Еще сто лет назад, до того как над фамилией Эбномар нависло проклятие, он часто бывал сдержан в присутствии отца — отец всегда держался слишком степенно и с упоением рассказывал о вещах таинственных и страшных, а в те времена Тириан... не принадлежал к разговорчивым людям.

И в те дни, когда между отцом и сыном возникало неловкое молчание, на помощь приходила

более оживленная Лукреция.

— Ты... в здравом уме освободился от влияния подпространства? — донесся из хрустального шара голос «Морской Ведьмы». Как и сто лет назад, она нарушила неловкость между отцом и старшим братом. — Ты вернулся, чтобы продолжить... план своей экспедиции?

Дункан взглянул на Лукрецию, под его стоическим фасадом происходили бурные размышления.

Это была важная встреча, на которой он должен заложить основу для будущего, скрыть или объяснить многие «подозрения», которые может, и, если возможно, сделать все изменения в «Затерянном Доме» и в себе «логичными» для своих детей!

К счастью, он был готов.

— Подпространство оказало на меня чрезвычайно глубокое влияние, и, возможно, до конца жизни я так и не смогу полностью избавиться от него, — медленно проговорил он, контролируя скорость речи и мимику. — Я многое не помню, включая мое представление о реальном мире и... способах восприятия. Я пытаюсь заново познакомиться с миром, и, узнав о вашем существовании, решил, что это может послужить ключевым шагом в восстановлении этого представления.

Он сделал паузу, а затем продолжил:

— Но, как ты сказала, Люси, по крайней мере, ко мне вернулось здравомыслие.

Эти слова были самым действенным решением всех проблем и одновременно подготовкой к будущему.

Чтобы сохранить стабильность на «Затерянном Доме», ему приходилось играть роль «капитана Дункана», и он не мог отказаться от нее даже по негласному соглашению с Козлиноголовым, поэтому ему приходилось продолжать играть эту роль перед Лукрецией и Тирианом. Но даже в самой искусной пьесе есть свои лазейки, не говоря уже о том, что он почти ничего не знал о своих детях. И поэтому он избрал самый действенный способ — подготовиться заранее, а затем обвинить во всем подпространство.

В любом случае, все зло в этом мире связано с подпространством. Это место — источник всего зла в мире, и это даже хорошо... для него.

А еще он намеренно подчеркнул, что у него испортились не только воспоминания, но и понимание реального мира, и то, как он его воспринимает, — что в общем-то объясняло все, что с ним было не так.

Остальное оставалось на усмотрение Тириана и Лукреции.

Лукрецию заметно удивилась, услышав слова Дункана. Она внимательно наблюдала за изменениями в лице отца, чтобы убедиться в правдивости его слов, а Тириан рядом с ней после недолгого молчания вдруг спросил:

— Значит, твои действия в Пранде были направлены только на спасение этого города—государства?

На лице Дункана заиграла улыбка.

— Я сделал это исключительно по доброй воле.

— ...Но епископ и инквизитор города, похоже, не верят этому, — глубоким голосом произнес Тириан, — Особенно инквизитор... Она относится к тебе с опаской.

— О, я это почувствовал, — кивнул Дункан. — Она дважды подряд бросалась на меня, и обе попытки не увенчались успехом.

Тириан снова задумался над тем, какие слова ему подобрать.

Дункан, в свою очередь, не обратил внимания на молчание Тириана, но перевел взгляд на свою «дочь» в хрустальном шаре и спросил как бы невзначай:

— Луни у тебя?

— Да, — кивнула Лукреция, затем махнула рукой в сторону, и вскоре в хрустальном шаре появилась кукла с часовым механизмом в одежде служанки.

Дункан посмотрел на появившуюся перед ним часовую куклу. Она не была похожа на Нилу, как бы он на нее ни смотрел.

— Почему она так выглядит?!

— Я немного... модифицировала Луни, — сказала Лукреция с несколько странным видом, догадываясь о том, почему ее отец внезапно сменил тему. — Почему ты вдруг спрашиваешь о ней?

— ...Я нашел Нилу, — спокойно ответил Дункан. — В магазине кукол, ты тогда не забрала ее, и ее так никто и не купил.

Лукреция не смогла удержаться от тихого возгласа:

— Ах...

В голове «Морской Ведьмы» пронеслись давние воспоминания, и выражение ее лица вдруг стало сложным.

Едва заметные изменения в ее лице не ускользнули от глаз Дункана.

Пора остановиться. Эффект достигнут, а дальнейшие разговоры могут его ослабить, — подумал он.

Из зеркала донесся голос Дункана:

— Я ухожу.

Лукреция и Тириан отреагировали не сразу.

— Уходишь? — подсознательно проговорил Тириан.

— У меня много дел, — легкомысленно ответил Дункан, его взгляд упал на Лукрецию. — Нилу пока останется со мной. Если в будущем появится возможность, я отдам ее тебе.

Как только слова сорвались с его губ, его фигура начала стремительно тускнеть, а иллюзорное изумрудное пламя на краю зеркала тихо рассеялось, словно призрак, не дав Тириану и Лукреции времени на раздумья.

В комнате вновь воцарилась тишина, и в течение следующих нескольких минут ни Лукреция, ни Тириан ничего не говорили.

В конце концов Лукреция взяла на себя инициативу и нарушила молчание:

— Это... действительно, не так ли?

— Не галлюцинация, — горько усмехнулся Тириан и покачал головой. — Ты думала, что это случится?

— В... самых причудливых снах, — сказала Лукреция, после чего задала неожиданный, слегка нервный вопрос: — Что ты об этом думаешь?

— Ты имеешь в виду...

— То, что он только что сказал, — сказала Лукреция с серьезным выражением лица, — как ты думаешь, это правда? Отец сказал, что у него пропала большая часть воспоминаний и ему нужно заново знакомиться с миром, а также, что подпространство оказало на него настолько сильное влияние, что он не смог полностью от него избавиться... а потом, что он вновь обрел рассудок...

— ...Честно говоря, я не могу поверить ни одному его слову, — сказал Тириан глубоким голосом. — И пока не будет больше доказательств, я скорее поверю, что это заговор в подпространстве.

— В подпространстве нет заговоров, — спокойно сказала Лукреция. — Заговоры присущи только людям.

— А как насчет... человека после крещения подпространством? — Тириан тихонько вдохнул и покачал головой. — Когда хаос в подпространстве станет разумным, это будет еще страшнее, чем чистый хаос... Конечно, все может оказаться не так уж и плохо, и я надеюсь, что чудо все—таки произойдет, но пока... лучше оставаться бдительным и внимательным. Ты провела много времени на границе, и тебе лучше, чем мне, должно быть известна необходимость такой бдительности.

— Я понимаю, — мягко кивнула Лукреция после нескольких секунд молчания, но сразу после этого снова посмотрела на овальное зеркало. — Он в самом деле ушел, не так ли?

Тириан на мгновение задумался и, сделав несколько шагов вперед, убрал зеркало, положив его на стол.

— Сегодня отец заставил меня нервничать больше, чем когда-либо, — негромким голосом пробормотал великий пират.

И тут же из хрустального шара раздался голос Лукреции:

— Это потому, что он только что поверг тебя, и ты, должно быть, прочувствовал это в полной мере...

Тириан оглянулся, его лицо было невыразительным.

— Смотри в оба, может быть, в какой-то момент Луни вдруг откроет рот и заговорит голосом отца.

Хрустальный шар тут же погас.

В капитанской каюте «Затерянного Дома» Дункан облегченно вздохнул, прокручивая в голове только что состоявшийся разговор со своими «детьми».

Я ничего не упустил, — подумал Дункан.

Закончив сортировку, он небрежно взял сбоку перо и бумагу и начал делать на ней наброски по памяти.

Через несколько штрихов на бумаге появилась странная шестиугольная эмблема.

Это был именно тот странный символ, который Тириан ранее показывал Ванне и епископу Валентину, эмблема, которую носили те странные «люди», которых капитан Дункан принял сто лет назад на корабле.

Эту информацию Дункан получил благодаря глазам Ванны!

Отложив перо, Дункан задумчиво поглядел на странную шестиугольную эмблему и фрагментарный узор креста внутри нее, размышляя, с чего начать расшифровку секретов символа.

Но вдруг его взгляд застыл.

На краю листа бумаги внезапно появился влажный след, словно невидимый поток воды пропитал уголок. Сразу же после этого в центре этого влажного следа возник какой-то неясный узор!

Это было слово.

«Спасибо».

<http://tl.rulate.ru/book/76198/3779747>